

Манана Микадзе

Кутаиси

Лингвостилистический анализ грузинского перевода рассказа Л. Н. Толстого *Хаджи-Мурат*

Ключевые слова: лингвостилистика, исторический рассказ, перевод, межкультурная коммуникация

Жизнь Грузии всегда тесно была связана с соседними странами. Как в мирные периоды, так и во времена бедствий грузинская литература подпадала под влияние литературы другого народа. В средние века представители грузинского духовенства и светского общества интенсивно занимались переводами с других языков на грузинский язык. Впоследствии количество подобных переводов еще более возросло, особенно с русского, английского, французского, немецкого, греческого и т.д.

Выдающийся русский писатель Л. Н. Толстой пользуется популярностью у грузинского читателя. Творчество его всегда вызывало повышенный интерес в Грузии, и произведения его с успехом переводились на грузинский язык.

Исторический рассказ *Хаджи-Мурат* – одно из лучших и всемирно признанных произведений Льва Толстого. В рассказе на фоне трагических приключений Хаджи-Мурата – одного из храбрейших героев войн Кавказа, Шамиля – с подлинной художественной правдой разоблачается хищническая колониальная политика царизма, его деспотизм.

Гениальный русский писатель правдиво показал самоотверженную борьбу кавказских горцев за свободу и независимость.

Перевод, как акт межъязыковой и межкультурной коммуникации, имеет огромное общественное значение. Вопрос общественного назна-

чения перевода всегда находился в центре внимания. Во многих специальных исследованиях высказаны различные соображения. Некоторые ученые в процессе перевода предпочтение отдавали литературоведению, некоторые – лингвистическим методам. Грузинский исследователь Г. Гачечиладзе считает, что в художественном переводе главное – эстетические ценности, языковые же соответствия служат художественным соответствиям. Мы полагаем, что оба эти момента важны и поэтому тесно связаны друг с другом. Их можно и объединить.

Переводчик должен учесть, что язык художественного произведения опирается на литературный язык. При переводе весьма важно вникать в суть языка перевода, выискивать эмоциональные соответствия.

Рассказ *Хаджи-Мурат* перевел Элизбар Убилава, который сумел показать грузинскому читателю на его родном языке быт, описанный в произведении, мощно очерченные характеры персонажей, сильные человеческие страсти.

В своем переводе Э. Убилава обнаруживает высокий литературный вкус и индивидуальный стиль, сохраняя при этом стиль оригинала.

Хаджи-Мурат – известное произведение, выполненное с художественным мастерством. Перевести его на грузинский язык нелегко, но переводчик, по нашему мнению, сумел по мере возможности донести до грузинского читателя основную идею произведения и его художественно-изобразительные средства.

Каким бы ни был язык богатым и развитым, все равно невозможно, чтобы переводчик в каждом отдельном случае имел готовый материал для перевода, готовые выражения или термины. Однако заслугой названных переводчиков следует считать то, что при переводе они пользуются естественными формами, действительно подходящими для грузинского языка.

"ნოემბრის ცივ საღამოს პაჯი-მურატი ცხენით შედიოდა წივას სურნელოვანი კვამლით ახრჩოლებულ, ჩანების მტრულად განწყობილ აულ მაკეტში" [Толстой 1975, 16].

«В холодный ноябрьский вечер Хаджи-Мурат въезжал в курившийся душистым кизячным дымом чеченский немирной аул Махкет [Толстой 1978, 278].

"პაჯი-მურატი ჩამოხტა ცხენიდან და ოდნავ კოჭლობით ჩარდახში შევიდა. მის შესახვედრად კარიდან გამოიჭრა თხუთმეტიოდე წლის ბიჭი და მოსულებს გაკვირვებით მიაპყრო მწიფე მოცხარივით შავი, ანთებული თვალები" [Толстой 1975, 17].

«Хаджи-Мурат слез с лошади и, слегка прихрамывая, вошел под навес. Навстречу ему из двери быстро вышел лет пятнадцати мальчик и удивленно уставился черными, как спелая смородина, блестящими глазами на приехавших» [Толстой 1978, 279].

Стержнем грузинского языка является глагол, без него грузинское предложение (за редким исключением) не может существовать. Это прекрасно понимает переводчик и с чрезвычайным вниманием берётся за “огрузинивание” русского предложения. Особо они выделяют глагол, подыскивая при переводе соответствующий грузинский глагол, обладающий экспрессивной нагрузкой и выразительными возможностями.

"სადომ ბუხარში ცეცხლი შეანთო, ქობის დარაბები დახურა და საყონადოდან ძალიან გულმხიარული და აღვზნებული გავიდა ქობის იმ ნაწილში, სადაც მისი ჯალაბი ცხოვრობდა. ქალებს ჯერ კიდევ არ ეძინათ. ისინი საუბრობდნენ სახიფათო სტუმრებზე, რომლებიც მათ საყონადანში ღამეს ათევდნენ" [Толстой 1975, 23] (выделено нами).

«**Закрыв** ставни сакли и **затопив** сучья в камине, Садо в особенно веселом и возбужденном состоянии **вышел** из кунацкой и **вошел** в то отделение сакли, где **жило** все его семейство. Женщины еще не **спали** и **говорили** об опасных гостях, которые **ночевали** у них в кунацкой» [Толстой 1978, 285].

Хороший переводчик всегда старается наиболее полно или почти полно перенести в перевод художественно-эстетические свойства оригинала, обеспечивая тем самым должный эффект. Особого внимания заслуживает вопрос перевода фразеологических единиц. Известно, что большая часть единиц точно не переводится. Они содержат различные нюансы, и поиск их соответствий связан с множеством трудностей. Поэтому они создают исключительную сложность при переводе. Однако переводчик *Хаджи-Мурата* хорошо знает богатство лексики грузинского языка, разнообразие фразеологических единиц и применяет их мастерски.

Переводчик сумел передать использованное в русском тексте то или иное выражение естественным грузинским словосочетанием:

- რას ექებ? – თამამად და მხიარულად ჰკითხა ერთმა ჯარისკაცმა.
- ჩიბუხს, ეშმაკმა უწეის, სად დაიკარგა!
- ტარი მოვლია? – თამამად იკითხა იმავე ჯარისკაცმა.
- ტარი აგერ არის.
- პირდაპირ მიწას რომ მოვარგოთ ტარი?
- რას მეუბნები!
- ამ საქმეს ხელად მოვაგვარებთ" [Толстой 1975, 25].

«– Чего ищешь-то? – спросил один из солдат бодрым, веселым голо-
сом.

- Трубку, черт ее знает куда запропала!
- Чубук-то цел? спросил бодрый голос.
- Чубук – вот он.
- А в землю прямо?
- Ну, где там.
- Это мы наладим живо» [Толстой 1978, 286].

Известно, что в большинстве случаев перевод должен следовать за оригиналом, но иногда эмоциональность фразы одного языка не годится для другого языка, поэтому переводчик должен соотнести ее с родным языком, передать ту же мысль, сохранить эмоциональность. В рассматриваемом переводе зафиксирован следующий диалог:

- «– Да с чего ж скучаешь-то?
- Я-то? Да по дому скучаю.
- Не то что богачи, а жили справно. Хорошо жили.

И Авдеев стал рассказывать то, что он уже много раз рассказывал тому же Панову

– Ведь я охотой за брата сам-пят! А меня только женили. Матушка просить стала. Думаю: что мне! Авось попомнят мое добро, сходил к барину. Барин у нас хороший, говорит: «Молодец! – ступай» [Толстой 1978, 288].

“– მერედა, რისთვის მოგიწყენია?
– მე? ოჯახზე ვფიქრობ.
– რაო, მდიდრულად ცხოვრობდით?
– მდიდრულად არა, მაგრამ შეძლებულად
– მე ჯარში ჩემი სურვილით წამოვედი ძმის მაგიერ. – ჰყვებოდა
ავდევევი, – მას ოთხი შვილი ჰყავდა. მე კი ის იყო, ქალი შემრთეს. დედა
შემეხვეწა, ვიფიქრე: რა მიჭირს! წავალ, იქნებ ჩემი სიკეთეც მოაგონდეთ-
მეთქი. მივედი ბატონთან. ბატონი კარგი გვეყავდა. მან მითხრა: “ეონად,
წადიო” ასე წამოვედი ძმის მაგიერ” [Толстой 1975, 27].

Как видим, уставший, разочарованный Авдеев выражает одну и ту же мысль по-русски и по-грузински – разными словами. Суть переводимой фразы передана точно, что становится возможным благодаря многообразию грузинской лексики, а также тому, что сам переводчик Э. Убилава удачно подбирает соответствующие выражения.

Специфика личной формы грузинского глагола дает возможность не употреблять личное местоимение, что в русском языке происходит не столь уж часто, поскольку в определенных случаях здесь местоимение необходимо:

« – Ты, известно, **разговоришься**, – недовольно сказал Никитин» [Толстой 1978, 290].

"– ნამდვილად ასე იზამდა, – უკმაყოფილოდ უთხრა ნიკიტინმა" [Толстой 1975,29].

У грузинского глагола имеется весьма интересная категория – версия, которая в русском языке отсутствует. Грузинский переводчик часто использует формы версии, избегая тем самым двусмысленности, лишних местоимений и, что главное, приближаясь к естественной грузинской речи:

«– А нет, семнадцать рублей выиграл, и клико бутылочку распили» [Толстой 1978,294].

"– არა, ჩვიდმეტი მანეთი მოუგებ და ერთი ბოთლი კლიკოც ვხუხეთ" [Толстой 1975,34].

«– Думать надо, – сказал Садо, усаживаясь на корточки перед Хаджи-Муратом. Женщина с крыши видела, как ты ехал» [Толстой 1978, 296].

"– უნდა მოვიფიქროთ, – თქვა სადომ და პაჯი მურატის წინ ჩაცუცქდა. – ვიღაც ქალს ბანიდან დაუნახიხარ აქეთ მომავალი" [Толстой 1975, 36].

Употребленному в оригинале тому или иному слову или выражению переводчик тщательно подбирает грузинские соответствия, наиболее уместные и естественные для грузинского текста. Особое внимание в переводе уделяется особенностям русского и грузинского языков как языков разных систем, различиям в их грамматическом строе. Перевод показал, что грузинская версия *Хаджи-Мурата* пронизана общим настроением оригинала и что в ней верно отражена симпатия или антипатия самого писателя по отношению к описанным в рассказе событиям и персонажам.

В русском тексте (как и вообще в индоевропейских языках) часто употребляются как полные, так и краткие причастия, причастные конструкции, по-разному передаваемые на грузинский язык: личной формой глагола, сложным предложением или же другими средствами. Например:

«– Сколько душ загубил, проклятый, теперь, поди, как его ублагодворять будут, – сказал один.

– А то как же. Первый камандеру Шмеля был. Теперь, небось...

- А молодчина, что говорить, джигит.
- А рыжий-то, рыжий, – как зверь, косится.
- Ух, собака, должно быть.

Все особенно заметили рыжего.

Там, где шла рубка, солдаты, бывшие ближе к дороге, выбегали смотреть. Офицер крикнул на них, но Воронцов остановил его.

– Пускай посмотрят своего старого знакомого. Ты знаешь, кто это? – спросил Воронцов у ближе стоящего солдата, медленно выговаривая слова с своим английским акцентом.

- Никак нет, ваше сиятельство.
- Хаджи-Мурат, – слышал?» [Толстой 1978, 306–307].

"– რამდენი კაცი დაღუპა ამ წყეულმა, ახლა კი ნახე, არაფერს დააკლებენ, – თქვა ერთმა.

– მაშ, როგორ, შამილის პირველი მეთაური იყო. ამიერიდან კი აღბათ...

- ყოჩაღი ჯიგიტი კი არის, რაღა თქმა უნდა.*
- წითური კი, წითური მხეცივით იბღვირება.*
- ოჰ, ეტეობა, რაც ძაღლია.*
- ყველამ განსაკუთრებით წითური შენიშნა.*
- იქ, სადაც ტყეს ჩეხდნენ, გზის ახლოს მყოფი ჯარისკაცები პაჯი-მურატის სანახავად გამოიქცნენ. ოფიცერმა დაუყვირა მათ. მაგრამ ვორონცოვმა შეაჩერა იგი.*
- აცაღე, ნახონ თავიანთი ძველი ნაცნობი. შენ იცი, ვინ არის ეს კაცი? – ინგლისური აქცენტით, ნელი*
- ხმით ჰკითხა ვორონცოვმა ერთ ჯარისკაცს.*
- ვერაფრით ვერ ვიცანი, თქვენო ბრწყინვალეებავ!*
- პაჯი-მურატი გაგიგონია?"* [Толстой 1975, 46-47].

Переводчик Э. Убилава почти слово в слово соблюдает текст оригинала. Он пытается передать сказанное большей частью естественными для грузинского языка словами и фразами, стараясь в то же время сделать строй русского предложения характерным для грузинского.

Таким образом, каждый перевод обогащает не только культуру, но и язык. Поэтому в последнее время большое внимание уделяется языково-стилистическому анализу переводной художественной литературы, чему посвящено уже немало работ. Наш труд также служит данной цели. Действительно, рассматриваемый грузинский перевод рассказа Л. Н. Толстого *Хаджи-Мурат* с полным правом можно считать одним из лучших образцов перевода художественного текста.

Источники

Толстой Л. Н., 1978, *Повести и рассказы*, Москва.

Толстой Л. Н., 1975, *Хаджи-Мурат* (Перевод на груз. яз. Э. Убилава), Тбилиси.

Литература

Гачечиладзе Г. Н., 1959, *Вопросы теории художественного перевода*, Тбилиси.

Панджикидзе Д. П., 1985, *Новые теории перевода и проблема эквивалентности стиля*, Тбилиси.

LINGUISTIC-STYLISTIC ANALYSIS OF THE GEORGIAN TRANSLATION OF THE STORY L. TOLSTOY'S *HADJI MURAT*

S U M M A R Y

Translation, as an act of international and intercultural communication, is of great public importance. In the process of translation is preferable to use a literature and linguistic methods.

Tolstoy is a popular Georgian readers. His creativity led to increased interest in Georgia, and his works are successfully translated into Georgian language.

Translate the story, LN Tolstoy's *Hadji Murat* Georgia was able to show the reader in his own language as described in the story of life, precisely delineated the characters, strong human passions, finding a high literary taste and individual style, and while retaining the original style.

Translation showed (translator E. Ubilava) that the Georgian version of *Hadji Murat* permeated the general mood of the original and that it correctly reflects the sympathy or antipathy of the writer in relation to the events described in the story and characters.

Linguistic-stylistic analysis of translated fiction devoted a lot of work. Our work also serves this purpose. Georgian translation of *Hadji Murat* can be considered one of the best examples of literary translation of the text.

Манана Микадзе e-mail: manana-mikadze@rambler.ru